

17. Evliya Çelebi Tevârih-i Tohta Bay qavli üzere ibtida Qırım ceziyesine malik olan hanları beyan ider / Транскр. и пер. Н. Сейтягьяева // Научный бюллетень. – 2002. – № 2. – С. 3 – 8.
18. Hâcı Kasımzâde Mehmed Rızâ. Sab'al sayyar fi ahbar-i mülük al-tâtâr. – Süleymaniye Kth., Hamidiyye, 950. – 178 yk. (рукопись; арабским письмом на турецко–османском языке).
19. Halim Giray Sultan. Gülbün-i Hânân yahut Kırım târîhi / Haz.: M.S. Çögenli, R. Toparlı. – Erzurum, 1990. – 232 + 26 s. (репринтное издание).
20. İpşirli M. Osmanlı tarih yazıcılığı // Osmanlı. – Ankara, 1999. – 8. cilt. – S. 247 – 256.
21. Kabaklı, Ahmet. Türk Edebiyatı. 1 – 5 c.: 1.c. – İstanbul: Türk Edebiyatı Vakfı, Temmuz 1989. – XIV + 609 s.; 2.c. – İstanbul: Türk Edebiyatı Vakfı, Mart 1990. – VI + 758 s.
22. Kefevî İbrahim Efendi b. Ali Efendi. Tevârîh-i Tâtâr Hân ve Dağistân ve Moskov ve Deşt-i Qırçaq ülkelerininîdir / Haz. ve İlk Söz'ü yazan: Qırımlı C. Seydahmet. – Pazarçiq, 1933. – 77 s. (араб. графикой на турецко–османском языке).
23. Kırım Türk–Tatar Edebiyatı. Başlangıcından günümüze kadar Türkiye dışındaki Türk edebiyatları antolojisi. – Ankara, 1999. – 13. cilt. – 600 s.
24. Râmiz ve Âdâb-ı zürâfâ'sı. İnceleme – Tenkidli metin – İndeks – Sözlük / Haz.: S. Erdem. – Ankara, 1994. – 401 s.
25. Sa'îd Giray b. Sa'âdet Giray Hân. Ta'rîh-i Sa'îd Giray Hân. – Staatsbibliothek zu Berlin. Preussischer Kulturbesitz. Türkische handschriften. Hs. or. oct. 923, Teil 3. – Bl. 87a – 135a (рукопись; арабским письмом на турецко–османском языке).
26. Sosyal A. Kırmî Mustafa Rahmi Efendi: Kırım'da yetişen büyükler // Emel. – 1968. – Sayı: 48. – S. 33.
27. Süreyya M. Sicill-i Osmani / Haz.: N. Akbayar, eski yazıdan aktaran: S.A. Kahraman. – İstanbul, 1996. – 1. cilt. – S. I – XI, 1 – 338; 2. cilt. – S. 339 – 684; 3. cilt. – S. 685 – 1030; 4. cilt. – S. 1031 – 1376; 5. cilt. – S. 1377 – 1721; 6. cilt. – S. 1723 – 2068.
28. Vecihî, Hasan. Vecihî târîhi (1047 – 1069 Vuku'atı). – Süleymaniye kth. – Hamidiye, 917/1. – Yk. 1b – 87b (рукопись; арабским письмом на турецко–османском языке).

Сеферова Ф.А.

ЗНАЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ НРАВСТВЕННО–ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНОГО МИРА РЕБЁНКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭМИЛЯ АМИТА

Обращение современных крымскотатарских писателей к прошлому, а именно к теме войны, депортации и первых послевоенных лет, объясняется тем, что для большинства авторов это время, в котором находятся истоки их биографий. «Поколением страшного 1938 года» называет Шамиль Алядин поколение А. Османа, Э. Умерова, У. Эдемовой, Э. Амига [1, 125]. И это понятно. В полном драматизма прошлом для них таились начала начал. К сожалению, жизнь так распорядилась, что, едва начав ступить по земле, они, будучи детьми, оказались в водовороте истории. Поэтому не случайно стремление писателей прикоснуться к истокам национального характера, понять слагаемые нравственной высоты.

В связи с этим немаловажное значение имеет высказывание А. Приставкина в статье «Прошлое требует слова»: «Писатели, пишущие о войне, – это, как правило, писатели воевавшие, фронтовики. Но те, кто тогда был подростком, видели другую сторону войны, другую её изнанку, потому что война – такое специфическое явление, у которого нет «лица», есть две изнанки. Так вот этой войны в тылу, «подростковой», фронтовики не знали» [2, 6].

Г. Хантемирова отмечает, что жизнь крымскотатарского населения в годы оккупации освещена не полностью или частично [3, 4]. Этот вакуум в известной степени заполняет роман Эмиля Амига «Последний шанс» («Ишанч», 1986), где глазами подростка изображено военное время в Крыму.

Следует отметить, что советские писатели литературе 70–80-х годов стремились взглянуть окружающее глазами ребенка, подростка. Об этом свидетельствуют произведения Ч. Айтматова «Белый пароход», В. Распутина «Уроки французского», М. Ибрагимбекова «Прилетела сова». И это не случайно, ибо ребёнок всегда является нравственным центром семьи, поскольку быстрее многих взрослых дает точную оценку людям и тонко чувствует окружающий мир.

Яркие воспоминания детства и юности лежат в основе романа «Последний шанс» («Ишанч»). Сюжет произведения не сложен. Рустем Керимов из Кезлева (Евпатория) приезжает в деревню Ташлык к бабушке с дедушкой. Его отец служит в Белоруссии командиром воинской части. В скором времени он, получив отпуск, должен приехать, но какие-то служебные дела задерживают. Мать Рустема, не дождавшись мужа, выезжает к нему в Гродно. Начинается война...

Таким образом, Рустем в первые дни войны теряет связь с родителями. Мужчины деревни Ташлык, сразу же были мобилизованы на фронт. Оставшиеся старики, женщины и дети перебиваются кое-как.

На протяжении романа мы видим, как у двенадцатилетнего Рустема формируются черты характера, становимся свидетелями его нравственного возмужания. Такие свойства натуры, как настойчивость, выносливость, рассудительность, он усваивает от отца. Так, в одну из редких встреч отец привёз Рустему подарок. Рустем, присев на корточки, старается развязать продолговатую коробку, перетянутую крест-накрест, но суровая нитка не поддается. Мать попыталась помочь, но отец потребовал не вмешиваться, сказав

«пусть он сам учится развязывать трудные узлы в жизни» («Озю япсын. Озю! Тююмлерни, бойле кучюк сойларыны биле, озю чезмеге алышсын», – деди) [4, 19].

Писатель затрагивает проблему воспитания. И это не случайно, ведь автор, начав свою трудовую деятельность со слесаря и инструктора, два года учился в педагогическом институте в Ташкенте. Очевидно, по этой причине взгляд Э. Амида на воспитание в какой-то степени совпадает с рассуждениями В. Сухомлинского о том, что труд – основа нравственности. Нравственный смысл труда состоит в том, что человек находит высшую радость – радость творчества [5, 184].

Главному герою романа едва исполнилось двенадцать, но именно ему и другим сельским ребятишкам пришлось заменить ушедших на фронт работников. Постепенно, шаг за шагом, автор показывает, что война обрушивается не только на тех, кто с оружием в руках защищает Родину, но и на тех, кто живёт далеко от линии фронта – на детей, стариков, женщин. Тяжелый физический труд закаляет Рустема. Вместе с дедом он собирает кукурузу, работает в кузнице, возит партизанам муку, спасает раненого лётчика Андрея.

Кульминацией нравственного поединка между Рустемом и полицаем Муратом становится сцена, когда Рустем вступает в единоборство с полицаем Муратом: «Мурат, схватив лошадь за узду, начал бить ее. Обессиленная и упавшая лошадь попыталась встать, но придавленная тяжестью телеги, простонав почти по-человечески, вновь упала... Мурат в гневе стал пинать лошадь по животу. Жеребенок, словно пытаясь помочь, лизал её безжизненную голову. – Зверь!.. Я о твоём зверстве расскажу людям! Все проклянут тебя, вот увидишь! – закричал Рустем» («Джанавар!...Мен адамларгъа сенинъ джанаварлыгъынъны айтырым! Эр кес сени къаргъар, мына корерсинъ! Мына корерсинъ!...» – деп къычырды Рустем») [4, с. 285].

Чувствительное сердце юного героя не приемлет жестокости: предательство полицая Мурата по отношению к собственной лошади не отличается от предательства Родине. В связи с этим особый интерес представляет мнение В. Кузнецова, известного исследователя детской литературы, о том, что высоконравственные жизненные принципы, строгие нормы личной нравственности, разбуженный с детства голос совести определяют принципиальность и логическое соответствие поступков человека [6, с. 77].

В нравственном становлении личности Рустема велика роль старшего поколения: бабушки Зеры (в прошлом учительницы), деда Якуба, справедливого, твердого в убеждениях человека, дяди Андрея и односельчан.

Бабушка Зера называет своего внука «шаин» – соколом, желает видеть его в будущем бесстрашным, гордым, как сокол. Она знакомит внука с историей Крыма, фольклором, музыкой. Такой подход в произведении не случаен. З. Мустафаева в своем исследовании отмечает, что в разных жанрах фольклора очевиден его воспитательный идеал, ибо герои устного народного творчества воплощают в себе высшую программу семейного воспитания [7, 25]. Нельзя обойти вниманием и мнение С. Русовой, которая утверждает, что нация начинается с колыбели [8, 150], и воспитание должно быть национальным, произрастать на родной земле, среди родного слова, на образцах народной песни, поэзии, художества [9, 40, 41].

На формирование характера юного Рустема большое влияние оказывает природа, музыка. Игра бабушки Зеры на фортепьяно «Крымских эскизов» А. Спендиарова рождает в воображении мальчика прекрасную картину: «За нежными звуками музыки вдруг прозвучали громкие... Словно волны Черного моря ударились о скалы... Но высокие скалы стояли невозмутимо и гордо, защищая родную землю. Волны же, ударившись о них, разбивались и бессильно откатывались назад» [4, с. 154]. Под воздействием чудесных звуков перед глазами Рустема оживает картина: фашистские захватчики, подобно этим волнам, ударившись о гранитные скалы, так же отступят назад.

Очевидно и то, что в жизни Рустема многое зависит от близких ему людей – бабушки и дедушки. Их внимание, живое участие помогают нравственному созреванию подростка. Э. Амит, как тонкий психолог, стремится показать переживания и мечты юного героя. Он, когда вырастет, хочет стать, как «дядя Андрей лётчиком и обязательно полететь в Порт Артур» [4, 283]. Песню «Порт Артур» очень любят и дед, и Рустем. По мнению деда, прошлое народа заключено в его песнях [4, 282]. Честный, ненавидящий нравственную нечистоплотность дед внушает Рустему мысль о необходимости нравственных принципов, которые помогали бы избежать ошибок в жизни.

Заметим, Э. Амит пишет не просто историю жизни одной семьи в военное лихолетье. Перед нами диалог двух поколений. Великий смысл жизни автор видит в институте семьи.

На заключительных страницах произведения есть короткое, но впечатляющее предание, услышанное Рустемом в детстве от бабушки: когда-то на земле жили звездочеты. По их мнению, звезды делятся на счастливых и несчастных и судьбы людей зависят от их расположения. Кто знает, может та искорка, что вылетела из-под молота кузнеца – деда Якуба, и превратилась в звезду?! Пусть увеличится число звезд, приносящих счастье! («Битасынынъ айткъанына коре, бир заманларда ерде мунаджимлер яшагъанлар. Оларнынъ эсапларына коре, кокте бахтлы ве бахтсыз йылдызлар ола экен. Инсанларнынъ такъдирлери коктеки шу йылдызларнынъ ерлешюв тертибине багълы ола экен... Ким биле, бельки о йылдыз бир демирджининъ орьсюю узереринден учкъан къыгъылчымдар? Кокте йылдызларнынъ, бахт-сеадет йылдызларынынъ сайысы чокълашсын!»)[4, 167].

Нет сомнения, что данное предание является ключом к пониманию идейного смысла романа. А смысл его, заметим, очень важен. Он – в стремлении автора познать и запечатлеть связь времен.

В свое время С. Нагаев и Г. Хантемирова, изложив свои мнения о романе, отметили его автобиографичность [10], [11]. С. Арифов же, подчеркнув лаконизм языка произведения, отметил способность автора понятно выразить идею произведения [12, с. 136].

Повесть Э. Амида «С великой мечтой» («Буюк арзунен») посвящается событиям послевоенных лет в депортации. Сервер Аблякимов, переживает драматические события. Самое страшное то, что не выдержав

**ЗНАЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ
ДУХОВНОГО МИРА РЕБЁНКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭМИЛЯ АМИТА**

полуголодного быта и непосильной работы, умирает мать. Сельчане, дядя Рахимджан и тетя Саадат, врач Анна Петровна помогают ему переносить удары судьбы.

Через внутренние монологи героя передаются неимоверная боль и страдания, живущие в юной душе. В то же время Сервер вынашивает великую мечту – отсюда название повести. В смутных грезах он видит себя мстителем за отца, которого еще в Крыму по доносу полиция Мурата замучали гестаповцы.

Желая проследить духовное становление Сервера, писатель ставит его перед лицом жизненных испытаний. Оказывается, отец жив. Из гестаповских застенков его спасли партизаны. Из случайных реплик Сервер узнает, что у отца на Украине новая семья, дочь, большой дом, сад, машина и престижная работа. Рушатся иллюзии героя. Черты отца, героически погибшего на войне, вытесняются свойствами прижимистого хозяйственника, оценивающего людей по материальному состоянию. Главное для него не сын, который свято чтит его память, а собственное преуспевание. Вот что он говорит о соседях Сервера, приютивших его после смерти матери, дяде Рахимджане и тете Саадат:

Отец: Чем занимается вон тот человек?

Сервер: Работает в колхозе...

Отец: В колхозе говоришь... Какое воспитание он тебе может дать? Не подобает сыну при живом отце жить у чужих людей, словно сироте... [11, с.8].

– Мне необходимо встретиться с этими людьми и поблагодарить их.

– Вам не следует этого делать [11, с. 9].

В представлении Сервера отцу лучше остаться погибшим, так как в памяти он хранил светлый, героический образ человека, замученного гестаповцами, а не предавшего жену и сына подлеца. Мальчик не может простить отцу нравственного предательства. Таким образом, автор повести не уклоняется от сложной и вечной проблемы отцов и детей.

Заметим, что по традиции в крымскотатарской литературе принято изображать героя таким, чтобы по прямой линии от отца с матерью, от деда с бабушкой он унаследовал лучшие черты, чтобы воспринял заветы и обычаи предков. Эмиль Амит в своей повести ищет иное решение проблемы. Определяющим он признает не кровное, а нравственное родство. Потому-то Сервер отвергает предложение отца поехать с ним, жить в его семье, ибо он обретает истинные ценности в отношениях с сельчанам, которые в трудные дни оказались рядом. Отец для него не является нравственной опорой.

Заметим, речь здесь как раз тот самый случай, когда речь идет о сироте, усыновленном народом. Это явление имеет аналогии в литературе. Можно вспомнить таких писателей как В. Катаев, Н. Думбадзе, В. Астафьев, в творчестве которых появлялся герой, с детства лишившийся кого-то из родителей, а то и обоих сразу.

Сервера Аблякимова, с одной стороны, осиротила война – отняла отца, с другой, – депортация отняла мать. Однако мать успела заложить в его юную душу основы нравственности своими воспоминаниями о Крыме, о традициях, о моральных нормах народа. Следовательно, основным источником формирования сознания Сервера стала мать. В инонациональной среде через духовное родство происходит духовное возмужание главного героя.

В образе Сервера Аблякимова автор воплощает свой нравственный идеал мужественного, доброго и великодушного человека. Думается, что образом отца, натуры себялюбивой, писатель доказывает, что эгоизм лишает радости общения с людьми. Радость исходит не только от того, что человек получает, но и от того, что он может дать людям. Нет сомнений, что изображение характера человека во всей его сложности и противоречивости составляет художественную основу произведений Э. Амида.

Источники и литература

1. Алядин Ш. Эдип // Йылдыз. –1988.– С.125–126
2. Приставкин А. Прошлое требует слова // Смена.–1987.–№16 .– С 6–8
3. Хантемирова Т. Юрек эмиринен // Ленин байрагы. –1987.–18 июля. – С.4
4. Амит Э. Ишанч: Роман // Йылдыз.–1983.–№5 – С. 51–86.
5. Сухомлинский В.А. Рождение гражданина. – М: Молодая гвардия,1979. – 335 с.
6. Кузнецов Ф.Беседы о литературе. – М.: «Детская литература»,1977. – 336 с.
7. Мустафаева З. Воспитательные идеалы крымскотатарской семьи // Учёные записки КГИПУ. – 2001.– №1.– С.40 – 48.
8. Русова С.Ф. Дошкільне виховання. Впорядковані лекції. – Катеринослав: Укр. Вид-во,1918. –162 с.
9. Нагаев С. Яшлыккы хас дуйгунен.– Ташкент. Эдебият ве санъат нешрияты,1979.–120 с.
10. Арифов С. Инсанетлик чокърагы // Йылдыз, 1986.– №3. – С.136–139.
11. Амит Э. Буюк арзунен.– Ташкент. Эдебият ве санъат нешрияты, 1980. –126 с.